

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию Васильева Александра Дмитриевича

«Центральная Азия в политике России и Турции

в XIX – первой половине XX в.»»,

представленную на соискание ученой степени доктора

исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Тема представленной диссертации является чрезвычайно актуальной сразу по нескольким основаниям. Во-первых, влияние турецкого фактора на международные отношения в Центральной Азии и на политическую обстановку внутри отдельных частей этого региона представляется сегодня не вполне очевидным. И динамика этого влияния, охватывавшего внешне- и внутривнутриполитические отношения, детально отраженная в диссертации А. Д. Васильева, представляет несомненный интерес и научную ценность. Кроме того, помещение региона в контекст внешней политики не одного, а двух соседних государств существенно изменяет оптику исследования, позволяет оценить степень их влияния, по-новому рассмотреть историю их противодействия и взаимодействия, на что, на мой взгляд, направлено существенное расширение хронологических рамок диссертации, охватывающих противоречивые периоды истории самих России и Турции. Во-вторых, обращение к истории российского и турецкого присутствия в Центральной Азии видится весьма актуальным в условиях современной международной ситуации. Исследование долгого пути сложных взаимоотношений двух крупнейших региональных игроков позволяет соискателю многопланово отразить периоды как напряженности, так и сотрудничества, что может стать поводом для серьезного политологического исследования.

Объект диссертационного исследования сформулирован лаконично и исчерпывающе, чего нельзя сказать о предмете, который явно избыточен по формулировке, но при этом вполне логичен.

Вызывает вопрос определение хронологических рамок диссертации.

Окончательное формирование центральноазиатских ханств и высылка эмигрантов из Турции представляются событиями разноплановыми, постановка которых в один ряд нуждается в дополнительном обосновании.

При этом периодизация самой работы является логически оправданной и отражает наиболее существенные этапы развития проблематики исследования.

А вот предусмотренное целью работы изучение региональной политики Британской и Германской империй выглядит избыточным, выходящим за рамки предмета и объекта диссертации. Задачи же исследования сформулированы вполне конкретно и полностью соответствуют объекту и предмету диссертации.

Определенная автором методология диссертации является конкретной и позволяет успешно решить поставленные задачи. А. Д. Васильев конкретизирует применение в работе каждого исследовательского метода, что свидетельствует о профессионализме соискателя, владении современными методами научного исследования и умении их применять в конкретной работе. В этом отношении особо следует отметить использование соискателем биографического метода (с. 16), который он использует совершенно адекватно, а не в весьма распространенной примитивной трактовке составления «хронологических» биографий.

Источниковая база диссертации чрезвычайно разнообразна и многопланова. Особенно важным представляется использование и сопоставление автором документов из российских, турецких архивов, значительная часть которых впервые использована в отечественной исторической науке. При этом лингвистическая подготовка автора позволила дать последним источниковедческую характеристику и перевести на русский язык. В соответствующей части диссертации источники проанализированы и систематизированы.

Историография темы исследования исчерпывающа и включает как отечественные, так и зарубежные (в том числе турецкие) работы.

Диссертация А. Д. Васильева соответствует поставленной цели и сформулированным задачам. Ее структура обладает логическим единством,

включает в себя введение, четыре главы (тридцать два параграфа), заключение, список сокращений и список источников и литературы.

В *первой главе* диссертации автор рассматривает политику Российской и Османской империй в Центральной Азии с начала до последней четверти XIX в.

В первом параграфе дано двухстороннее (Россия – Турция) описание бухарских миссий, политических и иных обращений ханства к обоим государствам, показана динамика взглядов российской администрации на торговлю с Бухарой.

Во втором параграфе отражен поиск ханством бухарского сюзеренитета, отражены сложности реализации турецкого покровительства (подданства). Чрезвычайно интересно, что А. Д. Васильев, касаясь осложнения российско-турецких отношений в начале 1820-х гг., связывает их не с русско-турецкой войной 1820 г. (о чем свидетельствуют турецкие источники), а с греческим восстанием 1820–1821 гг. и осложнением в Закавказье по поводу Абхазии, Гурии и Мингрелии (с. 83–84), отмечая при этом, что «Османская империя была заинтересована в эскалации напряженности, создании нестабильности по периметру российских границ, в том числе – и в Центральной Азии» (с. 84).

Здесь же А. Д. Васильев пишет о кокандском посольстве в Стамбул в 1820 г., которое тоже искало османского подданства или покровительства. И отмечает, что, несмотря на неготовность Стамбула идти на открытое противостояние с Россией и Китаем из-за Коканда, «османский источник зафиксировал определенную тенденцию – наличие потенциального конфликта с Россией из-за претензий обеих сторон на суверенитет над казахскими и киргизскими землями» (С. 88).

В третьем параграфе автор вновь обращает внимание на невмешательство Стамбула в российско-кокандское противостояние в начале 1860-х гг. Порта дистанцировалась от активных действий в Центральной Азии и от непосредственной поддержки Коканда или Бухары. Он подчеркивает: «Османские документы показывают, что османской администрации хотелось бы сохранить возможность выступать арбитром взаимоотношений мусульманских

властителей в Центральной Азии, с другой стороны, Османская империя действовала с оглядкой на взаимодействие России и Великобритании. Кроме того, решение об оказании помощи государствам Центральной Азии зависело от внутренней политики Порты, связанной с идеологией османизма. Последовательные отказы в помощи привели к определенному разочарованию местных владык в возможностях Османской империи» (с. 141).

В четвертом параграфе А. Д. Васильев отмечает своеобразное отношение Стамбула к Кашгару. С одной стороны, османское правительство заявило о поддержке местного правителя Якуб-бека (возможно, в противовес намерению туркестанского генерал-губернатора К. Кауфмана поставить эту территорию под свой контроль), но не пошло дальше обещаний и каких-то символических действий (с. 160).

В пятом параграфе первой главы соискатель обращается к попыткам Стамбула привлечь на свою сторону Афганистан на первом этапе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он обращает внимание на то, что дипломатический зондаж был предпринят в интересах британской администрации, осуществлялся с ее ведома, но оказался безрезультатным.

Во *второй главе* диссертации рассмотрены идеологические доктрины в Османской империи и их влияние на характер отношений с Центральной Азией. В ней речь идет о роли турецкого султана как халифа правоверных и его политическом статусе. А. Д. Васильев обращает внимание на то, что «рост интереса к Туркестану в Османской империи был связан с формированием национализма, идеологии тюркизма, национальной литературы и прессы. Он проявился первоначально в последние годы правления Великого визиря Али паши. Наивысшего пика интерес к Туркестану в Османской империи достиг в октябре 1872 г., когда кашгарский посланник Сейид Якуб-Хан Тюрю запросил султана о покровительстве Османской империи по отношению к независимому Кашгару» (с. 172). По его мнению, в самой Турции в это время «официальная концепция османизма как идея единства прав и обязанностей для всех подданных османской империи вне зависимости от конфессиональной

принадлежности стала постепенно сменяться идеологией единения мусульман всего мира. Однако после того как албанские общины и арабы в Османской империи начали кампании по отделению от империи, османские интеллектуалы перешли к стратегии выстраивания тюркского единства» (с. 173).

В первом параграфе этой главы соискатель подчеркивает, что «попытка установления османского протектората над Кашгаром [о чем речь шла в предыдущей главе. – Д. В.] стала одним из первых проявлений политики панисламизма и серьезной попыткой использовать мусульманский фактор в международных отношениях» (с. 174).

Одновременно османы были обеспокоены ростом международной напряженности. «Русско-турецкая война 1877–1878 г. и последовавшие за ней политические события (оккупация Англией Кипра, захват Египта и отторжение Францией Туниса) заставили Османскую империю по-другому взглянуть на своих бывших покровителей и защитников. В среде османской военной и политической элиты появилось мнение о необходимости политики соблюдения баланса влияния иностранных держав в Османской империи. В этих внешних обстоятельствах важным средством влияния Османы видели укрепление связей с мусульманами мира, прежде всего – теми, кто проживал на территории Англии, Франции и России. Тот факт, что Османская империя постоянно поддерживала культурные связи с мусульманами мира, виделся Османам важным основанием для последующего политического взаимодействия. Считалось, что мирные культурные контакты в случае политических или военных конфликтов позволят туркам получить поддержку мусульман мира» (с. 176). «Османские власти пытались поддерживать среди мусульман Центральной Азии образ Османской империи как защитницы мусульман» (с. 177) и осуществляли «ряд мероприятий для того, чтобы оказать влияние на паломников из Туркестана».

Во втором параграфе А. Д. Васильев отмечает, что движение тюркизма создало предпосылки для активизации поисков выхода из того кризиса государственной идентичности, в котором оказалось османское общество

(с. 183). Обращаясь к турецкой политической эмиграции начала XX в., соискатель отмечает, что ее деятельность вращалась вокруг идеи создания османской политической нации, в которой меньшинствам предоставлялось бы больше прав и свобод (с. 184). Возникшие в то время «и пантюркизм, и пантуранизм были политическими концепциями, которые стало возможно применять в годы Первой мировой войны, особенно на ее заключительном этапе, когда развал Российской империи предоставил туркам возможность более свободно действовать на территории бывшей имперской периферии» (с. 192–193).

Третий параграф посвящен рождению туркестанского джадидизма и его роли в российско-османских отношениях. Здесь А. Д. Васильев обращает внимание на то, что «культурно-образовательное измерение туркестанского джадидизма во многом было вдохновлено татарским просветительским движением, а политизироваться начало под влиянием революционных событий в мире начала XX в., и, в частности, младотурецкой революции» (с. 208).

Важно отметить, что в этом параграфе автор показывает динамику: «В первые годы 1900-х годов, когда начал формироваться туркестанский джадидизм, османское политическое влияние носило скорее панисламистский характер. Пантюркистское влияние стало усиливаться в период после младотурецкой революции и вплоть до Первой мировой войны. В 1920-е гг. джадиды и их сторонники в Туркестане в основном группировались вокруг концепции туркестанского национализма. Когда советское руководство создало новую политэкономическую карту Туркестана, турецкое влияние было сведено практически к нулю, а на первый план вышел региональный национализм» (с. 209).

Касаясь вопроса панисламизма в России и его влияния на связи Османской империи и Центральной Азии, соискатель отмечает, что «хотя большинство мусульман Российской империи составляли тюркоязычные народы, исламская умма в Центральной Азии была довольно пестрой. Это обуславливало социально-политические и этнические противоречия внутри

формально единой мусульманской общины. Можно выделить несколько линий противостояния: панисламисты против пантюркистов, джаиды против кадимов, пантюркизм против регионального национализма, шииты против суннитов» (с. 217–218).

Третья глава диссертации посвящена ситуации в России, Турции и Центральной Азии в годы войн и революций (1918–1923). Нельзя не согласиться с соискателем в том, что «вступление Османской империи в Первую мировую войну на стороне Германии существенным образом повлияло и на ее политику в отношении Центральной Азии. <...> В то время как усилия России, Англии и Франции были нацелены на развитие национального самосознания у нетюркских немусульманских народов Османской империи, усилия Германии были сосредоточены на пропаганде мусульманской солидарности и чувства религиозного единства под верховенством халифа. Учитывая значительное количество мусульман, проживавших в колониях Англии, и Франции и в Российской империи, германская стратегическая мысль считала их удобным инструментом для подрыва влияния своих соперников» (с. 219).

В первом параграфе этой главы А. Д. Васильев отмечает, что на центральноазиатское восстание 1916 г. существенное влияние оказал религиозный фактор, тесно связанный с политикой Османской империи в регионе (с. 238), и определяет Семиречье и Туркмению как центры наиболее активной пропаганды турецких властей (с. 247). Весьма актуальным в этом контексте представляется свидетельство автора о том, что от Турции «были получены деньги, оружие, обещание устроить в Туркестане после изгнания русских “особое киргизско-сартовское царство”» (с. 249).

Эта мысль получает развитие во втором параграфе: «Цели Османской империи ... состояли в формировании обширной империи, которая включала бы Туркестан, и в рекрутировании его населения на борьбу с союзниками» (с. 264).

Третий, четвертый и пятый параграфы третьей главы посвящены деятельности младотурок в Туркестане и Советской России в период

сотрудничества с большевиками.

А. Д. Васильев отмечает, что «революция в царской России и новая восточная политика Советской власти создавали у них [младотурок. – Д. В.] впечатление того, что извечный враг может превратиться в союзника, по крайней мере – ситуативного, в борьбе за собственное политическое выживание. В ходе передышки, которую члены Комитета «Единение и прогресс» получили в Германии, они постепенно пришли к выводу, что связи с большевиками могут представлять определенную ценность и что их можно использовать для решения своих задач в населенных мусульманами регионах Ближнего Востока и Средней Азии» (с. 282). При этом «политический расчет советского руководства был на то, чтобы использовать реальные и мифические связи младотурок в мусульманском мире в борьбе с общим врагом» (с. 285). «Несмотря на то, что Энвер был одним из виновников развязывания Первой мировой войны, массовых репрессий в отношении мирного полиэтничного населения Османской империи, советское руководство стремилось использовать его репутацию среди мусульманских народов и его желание отомстить своему главному врагу, Англии, грозному сопернику самой Советской России» (с. 307).

В шестом – десятом параграфах рассмотрены деятельность Джемал-паши и Энвера-паши в Центральной Азии, роль последнего как идеолога Исламского интернационала, а также туркестанская политика Мустафы Кемал-паши и Турецкой коммунистической организации.

Четвертая глава диссертации посвящена исследованию политики Молодой Турецкой Республики в отношении тюрок Центральной Азии.

В ней речь идет о конструировании национальной истории (первый параграф), о деятельности турецких политических эмигрантов «по сохранению национальной идентичности, пропаганде создания национальных тюркоязычных государств на территории Советского Союза» (второй параграф, с. 485), о расколе в Туркестанском национальном союзе после перевода турецкого языка на латинскую графику (третий параграф), о попытках туркестанских политических эмигрантов создать агентурные сети между

Варшавой, Стамбулом и Тегераном (четвертый параграф), о политике Турции в 1930-е гг. (пятый параграф).

В заключении автором делается вывод о том, что «в XIX–XX вв. и Россия, и Османская империя сыграли важную роль в развитии государственности в Центральной Азии. Османская империя в XIX в. приобрела особое значение для правителей ханств Центральной Азии (прежде всего – Бухары, Коканда и Кашгара) как источник легитимности власти». (с. 529–530), важным фактором связей Османской империи и государств Центральной Азии являлась культурно-религиозная близость (с. 530–531).

Соискатель утверждает, «что идеи политического объединения, в основе которого должна была лежать общность религии, исходили первоначально от местных ханов, в планах которых османской помощи действительно отводилось значительное место. Однако османское руководство первоначально не рассматривало этих просьб всерьез. Уже впоследствии, ввиду сложившейся неблагоприятной международной обстановки, османская администрация перешла к идеологической доктрине панисламизма» (с. 533).

«После окончания Первой мировой войны связи с Центральной Азией оказались в центре внимания младотурок, вынужденных эмигрировать в Германию», которые «рассматривали Центральную Азию как плацдарм для подрыва британского могущества в Индии» (с. 540).

Представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук диссертация А. Д. Васильева безусловно является самостоятельным законченным научным исследованием, обеспечивающим существенное приращение знания и представляющее собой весомый вклад в историческую науку.

И хотя к высказанным выше замечаниям можно добавить

- единственный случай сбоя в трактовке термина Центральная Азия (на с. 62 он трактуется как Средняя Азия и Казахстан, т.е. казахские земли),
- упоминание на с. 207 казахстанских джадидов (в то время как о Казахстане уместно говорить начиная с 1991 г.),

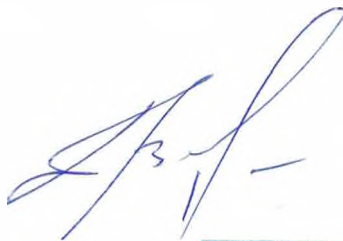
- отсутствие обобщений по главам,
всё это никоим образом не снижает научной ценности масштабного и многопланового исследования.

В диссертации подведены итоги исследования, показана реализация каждой поставленной задачи, что свидетельствует о достижении цели диссертации и решении научной проблемы.

Автореферат полностью соответствует диссертационному исследованию. Представленная диссертация на тему «Центральная Азия в политике России и Турции в XIX – первой половине XX в.» по содержанию, полученным лично автором результатам, научной новизне, обоснованности и значимости сделанных выводов соответствует профилю специальности 5.6.2. Всеобщая история, а также требованиям п. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в ред. от 18.03.2023), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук.

Соискатель Васильев Александр Дмитриевич заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Профессор кафедры отечественной истории
института гуманитарных наук
ГАОУ ВО города Москвы
«Московский городской педагогический университет»,
доктор исторических наук

Д.В. Васильев

29 августа 2023 г.

